

Е Чэн тащился, медленно покидая школьные ворота. В этот момент он окончательно сломался. Дальше терпеть не было сил. В глазах темнело.

Чэнь И, увидев его, хотел помочь, но Е Чэн оттолкнул его руку.

— Не нужно.

Чэнь И остался стоять, глядя, как его фигура медленно растворяется вдали.

Е Чэн не знал, сколько шёл. Он чувствовал себя ужасно уставшим. Очень уставшим. Очень больно. И очень голодно. И невыносимо хотелось спать.

Е Чэн...

Я действительно сдался? Мы же договорились быть вместе... а я просто сдался?

Что я могу сделать? Почему... почему всё так получилось? Это всё моя вина. Если бы не я, с Цзян Юем ничего бы не случилось. И мама тоже...

Всё моя вина. Так, может, пора закончить эту борьбу? Просто закончить. Прощай, Цзян Юй. Прощай, сестра. Прощай, зять. Прощайте, мама, папа...

С тротуара на дорогу. Шаг. Ещё шаг.

Из-за поворота, визжа шинами, вылетела машина.

Е Чэн улыбнулся. И шагнул навстречу.

— Прости, водитель... в следующей жизни отплачу...

Удар. Тело отбросило в сторону. Он мягко приземлился на асфальт. Стало тихо.

Кровь растекалась тёплой лужей. Водитель, не останавливаясь, рванул с места и скрылся в переулке. Здесь не было камер. Людей — тоже.

Кровь становилось всё больше.

Проходившая мимо женщина на трёхколёсном велосипеде, ахнув, достала телефон.

Сирена скорой разрешила тишину.

Это была та же больница, где лежала мама Е.

В соседней палате кто-то громко обсуждал новость:

— Слышали? Только что на Фэнхуанлу подростка сбили! Кровищи — море! Говорят, вряд ли выкарабкается...

Мама Е, сидевшая у окна, резко обернулась к мужу:

— Где Сяо Чэн?

— Не знаю, — буркнул тот, не отрываясь от газеты. — Откуда мне знать?

— Я спрашиваю, — её голос задрожал. — Где Е Чэн? Где он СЕЙЧАС?

— Зачем тебе этот ублюдок?

Мама Е встала. Лицо её побелело.

— Я спрашиваю в последний раз. Где мой сын?

Отец швырнул газету.

— Не знаю! Оставил его в школе и всё!

В мире есть вещь, которую не объяснить логикой. Материнское чутьё.

Мама Е метнулась к соседней койке:

— Простите... того человека... где нашли?

— На Фэнхуанлу, — пожала плечами соседка.

— Фэнхуанлу... — женщина прошептала, глаза её расширились. — Это же... дорога в школу Сяо Чэна...

Она рванулась к двери.

— Ты с ума сошла?! — отец попытался её остановить.

— Фэнхуанлу! — она вырвалась, и слёзы брызнули из её глаз. — Подросток! Это точно он! Это точно Сяо Чэн!

Она ударила его кулаком в грудь:

— Это всё из-за тебя! Зачем ты его оставил?! Фэнхуанлу! Это же его дорога в школу!

Лицо отца исказилось. Он замер.

Юй Кэ, дремавший в углу, вскочил. Взгляд его встретился с взглядом Е Ци. В нём был тот же ужас.

Четверо помчались по коридору к приёмному отделению.

Мама Е схватила за руку выходящую медсестру:

— Там... там мальчик... его зовут Е Чэн?

Медсестра покачала головой:

— Не знаю, документы ещё не...

Она запнулась, потом достала из кармана прозрачный пакетик. В нём лежал простой красный браслет из паракорда.

— Это было на его руке. Может, опознаете...

Мама Е взглянула. И издала звук, похожий на сдавленный стон. Потом её ноги подкосились.

— Это... это его... — она захлёбывалась слезами, сжимая пакетик в конвульсивно сжатых пальцах. — Его любимый... он никогда его не снимал...

Она уткнулась лицом в браслет и зарыдала. Громко, безутешно.

Е Ци, поняв, рухнула на скамью рядом. И тоже заплакала. Тише. Но от этого не менее горько.

Мать и дочь. Две женщины. Одна потеряла сына. Другая — брата. И плакали они на холодной больничной скамье, не в силах утешить друг друга.

Несколько часов спустя дверь операционной открылась. Мама Е бросилась к врачу.

— Доктор... как он?

Врач, устало сняв маску, медленно покачал головой:

— Ситуация тяжёлая. Множественные переломы, внутренние кровоизлияния, черепно-мозговая травма... Шансы есть. Но... он может не проснуться.

— Не... проснуться? — женщина повторила, как эхо.

Она не заплакала. Просто медленно сползла по стене на пол.

Е Чэна перевели в обычную палату. На реанимацию не было смысла.

Мама Е сидела у кровати. Не плакала. Просто смотрела на бледное, бездвиженное лицо сына. Иногда что-то шептала.

Е Ци сидела рядом. Вытирала слёзы. Молча.

Тем временем классный руководитель Е Чэна, узнав об отчислении, позвонил домой, чтобы прояснить ситуацию. Ему сообщили об аварии. И о том, что мальчик, возможно, не очнётся.

Новость поползла по школе. Учителя перешёптывались в учительской, не понимая, как всё зашло так далеко.

Е Чэн лежал на холодной больничной кровати. Дышал через аппарат. Не двигался.

Отец Цзян Юя молча оформил документы на отправку сына за границу. Цзян Юй сидел в своей комнате. Не ел. Не пил. Просто смотрел в стену.

Когда отец пришёл в школу за документами об отчислении, он услышал шёпот в коридоре. Об аварии. О парне по фамилии Е.

Он вернулся домой. Вошёл в комнату сына. Молча положил перед ним распечатанную новость из школьного чата.

Цзян Юй прочитал. Раз. Потом ещё раз. Потом его тело затряслось.

— Папа... — голос сорвался в шёпот. — Папа... отпусти меня... я должен его увидеть... отпусти...

— Не выйдешь.

— ПАПА! — он бросился к двери, стал бить в неё кулаками. — ОТПУСТИ МЕНЯ! Я ДОЛЖЕН ЕГО УВИДЕТЬ! ОТПУСТИ!

Рыдания сотрясали дверь. Никто не отвечал.

Вечером к двери подкралась тень.

— Брат... — тихо позвал Цзян Хуай. — Ты здесь?

— Цзян Хуай? — голос из-за двери был хриплым.

— Я... я тебя выпущу. Я украл ключ у мамы. Только тихо...

Щелчок замка. Дверь открылась.

Цзян Юй выглядел ужасно. Заросший, с воспалёнными глазами.

— Спасибо... — прошептал он.

Цзян Хуай сунул ему в руку несколько смятых купюр:

— Карты они, наверное, заморозили... Бери...

Цзян Юй взглянул на младшего брата. В его глазах была неподдельная тревога.

— Спасибо, — повторил он.

— Быстро иди.

Цзян Юй ворвался в больницу, как ураган.

— Сестра! — он схватил за руку первую попавшуюся медсестру. — Е Чэн! Где Е Чэн?

Медсестра, испуганная его видом, молча указала в конец длинного коридора.

Он помчался. Сердце стучало в висках. *Только бы успеть. Только бы успеть.*

В палате никого не было, кроме Е Ци и Юй Кэ. Родителей, видимо, увели отдохнуть.

Цзян Юй застыл на пороге. На кровати лежал Е Чэн. Бледный. Неподвижный. Губы бескровные. От него шли трубки и провода.

Цзян Юй медленно подошёл. Рука его дрожала, когда он коснулся холодных пальцев Е Чэна.

Потом он опустился на колени. Припал головой к краю кровати. И заплакал. Беззвучно. Только плечи тряслись.

— Е Чэн... — шёпот прорвался сквозь слёзы. — Зачем? Мы же договорились... быть вместе... как ты мог... как ты мог так поступить...

Он сжал его руку сильнее:

— Проснись... пожалуйста, проснись... я хочу видеть, как ты улыбаешься... Е Чэн, не бросай меня... проснись...

Голос срывался, превращаясь в рыдания:

— Как ты мог меня бросить?.. Я же готов был всё взять на себя... всю вину... всю боль... Е Чэн... проснись...

Юй Кэ, стоявший у окна, обернулся. Лицо его было усталым и печальным. Он подошёл, положил руку на плечо Цзян Юя.

— Уходи, — тихо сказал он. — И больше не приходи. Его сестра сейчас вернётся. Никто не хотел, чтобы он оказался в таком состоянии... Иди. Живи своей жизнью.

Цзян Юй поднял на него заплаканные глаза.

— Всё, — Юй Кэ покачал головой. — Уходи.

Он мягко, но настойчиво потянул Цзян Юя за руку.

Пальцы Цзян Юя разжались. Он отпустил руку Е Чэна. Медленно. По одному пальцу.

Потом встал. Последний раз взглянул на бледное лицо на подушке.

Развернулся. И вышел.

В дверях он столкнулся с возвращавшейся Е Ци. Их взгляды встретились на мгновение. В её глазах он увидел не злость. Не ненависть. Только бесконечную усталую грусть.

Она молча пропустила его.

Цзян Юй вернулся домой. Дверь в его комнату была снова открыта. Родители молчали. Ничего не сказали.

Через несколько дней его, молчаливого и покорного, посадили на самолёт.

— Учись хорошо, — сухо сказал отец на прощание.

Самолёт взлетел, унося его в другую жизнь. Жизнь, в которой не было Е Чэна.

Вся школа бурлила. Директор собрал экстренное собрание.

Его голос, обычно спокойный, теперь звучал жёстко и громко, разносясь по всему актовому залу:

— Этот инцидент — наша общая ответственность и общий позор. Мы — учебное заведение.

Наша задача — учить. Учить не только наукам, но и человечности. А что мы сделали? Травля. Осуждение. Распространение сплетен.

Он сделал паузу, обводя зал тяжёлым взглядом.

— Мы не должны обсуждать личную жизнь других людей. Гомосексуальность — это не преступление. Гомосексуалы — такие же люди. Они вам чем-то навредили? Отняли что-то? Нет. Тогда почему? Почему мы позволяем себе такую гнусную, подлую позицию?

Ещё пауза. Тишина в зале была гробовой.

— Этот случай стал для нас горьким уроком. Уроком жестокости, которую мы проявили. С сегодняшнего дня — каждому учителю сочинение на три тысячи слов. Каждому ученику — на тысячу. Тема: «Мой мир и реальный мир». Я лично прочитаю каждую работу. Каждую. И начну с себя.

Он развернулся и вышел с трибуны. Его шаги гулко отдавались в тишине.

Учитель Ян, сидевший в первом ряду, опустил голову. Ему было стыдно.

Учительница Чжан, сидевшая рядом, фыркнула:

— Неразумное решение. Потакать извращениям...

Её слова потонули в общем гуле.

Лю Шэн и Ван Юн шли по опустевшему после собрания школьному двору.

— Почему... — тихо начал Лю Шэн. — Почему всё так получилось?

Ван Юн молчал, глядя под ноги.

— Мы... мы больше их не увидим, да?

— Наверное... — Лю Шэн вздохнул. — Наверное, шанса больше нет.

Мой мир — прекрасный мир. Мир, где все равны. Мир, где можно любить и быть любимым, не оглядываясь на чужие взгляды.

Но реальный мир... Реальность жестока. Она ломает. Калечит. Убивает.

В самый неподходящий момент, когда ты слаб, беззащитен, не готов, — встречаешь того, с кем хочешь прожить всю жизнь. И всё рушится. Так жестоко. Так несправедливо.

Люди не могут всегда идти по гладкому пути. Но, может быть, именно в этом и есть смысл? Падать. Ломаться. И снова вставать.

Главное — не потерять себя. Никогда.

Семья Е Чэна дежурила у его кровати три месяца. Врачи разводили руками. Шансы таяли с

каждым днём.

Но мама Е не сдавалась. Она не верила. Она разговаривала с ним. Каждый день. Каждый час.

— Сяо Чэн... — она гладила его неподвижную руку. — Если ты проснёшься... я обещаю. Я больше не буду вмешиваться в твой выбор. Никогда. Даже если... даже если ты приведёшь домой мужчину... я не скажу ни слова. Только проснись...

— Сяо Чэн... ты так долго спишь... уже три месяца... пошевелись хотя бы пальцем... пожалуйста...

Она смотрела на его лицо. На ресницы, лежащие на бледных щеках. На губы, сжатые в тонкую ниточку.

И вдруг... она замерла.

Его указательный палец. Правая рука. Дрогнул. Слабый, едва заметный вздрагивающий движение.

Она не поверила глазам. Присмотрелась.

Палец снова дрогнул.

— СЯО ЦИ! — её крик разорвал тишину палаты. — БЫСТРО! СЯО ЧЭН! ОН ПОШЕВЕЛЬНУЛСЯ! ПАЛЕЦ! ОН ПОШЕВЕЛЬНУЛ ПАЛЬЦЕМ!

Вся палата вздрогнула. Другие пациенты, их родственники — все обернулись. Они знали эту женщину. Знали её историю. Знали, как она три месяца не отходила от сына. И в их глазах не было раздражения. Только сочувствие. И тихая, сдержанная надежда.

Е Ци помчалась за врачом.

— Доктор! Он пошевелился! Палец! Я видела!

Врач, пожилой невролог, внимательно осмотрел Е Чэна. Потом кивнул, и в его глазах мелькнуло что-то, похожее на облегчение.

— Это хороший знак. Очень хороший. Возможно, он начинает выходить из состояния. Что вы ему говорили перед этим?

Мама Е, всё ещё дрожа, попыталась вспомнить:

— Я... я сказала, что больше не буду мешать его выбору... что даже если он приведёт домой мужчину... я не буду против...

Врач, знавший историю мальчика, снова кивнул.

— Говорите с ним об этом. О том, что его волнует. Что для него важно. Это может быть лучшим стимулом.

— Хорошо... — женщина кивнула, и слёзы снова потекли по её щекам. Но теперь это были слёзы облегчения. — Спасибо... спасибо вам...

Е Чэн пролежал три месяца. Три долгих, тёмных месяца.

Но, кажется, в конце туннеля наконец-то появился свет.

Не спешите.

<http://bllate.org/book/16143/1445599>